

Николай Петрович Вагнер

Фея Фантаста

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Николай Петрович Вагнер
Фея Фантаста
Серия «Сказки Кота-Мурлыки»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=626205
Сказки Кота-Мурлыки : Правда; М.; 1991*

Аннотация

«Я помню ее с тех пор, как стал помнить себя, но кто может сказать: когда и где в первый раз явилась на свет она – фея Фантаста?

Она везде и нигде!...»

Николай Петрович Вагнер

Фея Фантаста

(Вместо предисловия ко второму изданию)

* * *

Я помню ее с тех пор, как стал помнить себя, но кто может сказать: когда и где в первый раз явилась на свет она – фея Фантаста?

Она везде и нигде! Она является из воды, из леса, из воздуха, из маленькой искорки, которая блеснет на мгновение, в темных потьмах осеннего вечера, из большого пожара, от которого зарево высоко стоит в небесах; из холодной струйки, бойкого, студеного ключика, из бурной волны широкого могучего моря.

Она является вдруг, незваная, негаданная, и исчезает, как тень. Она является, как вечерний туман над уснувшей рекой, и улетает при первом свете дневной работы.

Она все увеличивает и все уменьшает, но у ней самой нет границ. В ней все, что когда-либо существовало, и все, что никогда не будет существовать. В ней целый, громадный,

беспредельный мир, и весь этот мир обращается в ничто при первом слове, при первом движении холодного рассудка. Но без нее рассудок ничего не может создать, без нее мир пуст и холоден, без нее нет жизни и красоты, той жизни, неуловимой, неосязаемой, которая хранится только в ее дыхании. Поэт, художник, музыкант, ученый приходят к ней, к ее ключу живой воды, который живит и движет весь мир.

В тихий, ясный, теплый вечер, когда вы лежите на лугу и кругом вас встают бесконечной сетью луговые травы и былинки – с головками, колосиками и шапками цветов, всмотритесь в их бесконечную игру, и вы почувствуете их жизнь и тайны. Они встают толпой фантастических образов, они уходят в беспредельную темнеющую даль тихого вечера, – и из этой туманной дали смотрят на вас, кивают вам своими головками, манят своими листочками; а вечерний туман, тихо крадучись, накрывает их своими неопределенными очертаниями. Всмотритесь – они растут в этом таинственном тумане. Это уже не травы, не цветы, нет, это странные деревья уродливых, невиданных форм. Они встают перед вами, как громадные великаны, и смотрят на вас таинственные, страшные, грозные, смотрят в вашу совесть, в вашу душу, как повелительные силы всей летней тихой ночи, всей величавой, могучей природы. Вы делаете легкое движение головой и... весь таинственный мир улетел, фея Фантаста унеслась, и вы снова среди тихого, ясного летнего вечера...

В осенний день взгляните на бледное, зеленоватое небо.

Кудрявые облака целой стайей несутся перед вами – словно бесконечные толпы немого народа. Вот один седой великан ползет выше, выше – в темную лазурь неба; его мантия раскинулась широко и тянется за ним; один клочок его оторвался, растаял, потонул в зеленоватом море. Вот целое воинство, словно волны морские, на которые упал ослепительно яркий луч солнца. Оно движется, плывет, вырастает перед вами в громадные массы; а там, словно стада серебристых барашков. Они тихо приближаются к вам, растут, как тени волшебного фонаря, темнеют, надвигаются. Нет, это не барашки, это темные великаны: вы видите их безобразные лица. Они смотрят на вас, плывут ближе, ближе... Легкое движение головы – и все исчезло, фея Фантаста унеслась. Перед вами только темные тучи и бледно-зеленоватое небо.

В сумрачный день, когда волны моря разбиваются у ваших ног, присядьте на берегу на камень и вслушайтесь в музыку моря. Над вами несутся небесные волны – громады облаков, а у ног ваших встают одна за другой бесконечные горы с белоснежными вершинами. Вот вдали поднимается одна. Но что же в ней, в этой прихотливой, изменчивой волне, не образ ли, милый вам? Она встает, она закипает. Вот она взмахнула белоснежной рукой и исчезла. Вы это видели так ясно в тот момент, когда волна встала во всю вышину ее. Но вот встает другая – она летит прямо к вам: прозрачная, глубокая, она полна неги, бурной силы. Смотрите в ее глубину, смотрите в эту таинственную светло-зеленую, аквамари-

новую бездну! Что в ней мелькает? Целое воинство темных образов. Они быстро подплывают к вам ближе и ближе, они вертятся, прыгают, как языки пламени в адском огне. Они растут, – встают перед вами целой горой, закрывают свет... Жутко и холодно становится на сердце... Но миг, один миг – и с страшным шумом все обрушилось, все разбилось в пену, в брызги, у ваших ног... Фея Фантаста исчезла... Перед вами снова необозримое море и вечные волны.

В светлое, ясное утро вы тихо плывете в лодке по спокойному морю. Так приветно опрокинулось над вами безоблачное, темно-синее небо. Теплый, ароматный воздух с такой лаской и негой вливается в вашу грудь, а вся даль тонет в серебристом тумане. Всмотритесь в темную глубину воды, туда, где в таинственной мгле чуть-чуть скользнул слабый солнечный луч. Какие странные, роскошные картины тихо плывут перед вами! Фантастические луга, с невиданными растениями, – луга, голубые, зеленые, красные. Среди чудовищных корней тихо движутся чудовищные цветы. Их лепестки шевелятся или стоят неподвижно. Вы останавливаете лодочника. Вы усиленно, с страстным любопытством, вглядываетесь в зеленые бездны. Вас поглотил таинственный мир – раздражающий своею таинственностью... Перед вами встают уже не растения, не луга, а целые рощи всевозможных гигантских деревьев. Вы видите, как среди них тускло сверкают какие-то чудные здания – прозрачные, фантастические. Это чертоги морской царицы. Вы чуть-чуть видите ее, окружен-

ную, как туманом, целым роем таинственных красавиц... Картина становится яснее, яснее... Она выплывает из таинственной бездны к вам выше, выше...

– Эччеленца! – кричит лодочник, – эччеленца! вы можете получить солнечный удар, вы упадете, перевернете лодку, и мы очутимся в гостях у морской царицы.

Вы просыпаетесь, оглядываетесь. Фея Фантаста улетела... Над вами опрокинулось темно-синее небо, и чудная даль вся тонет в серебристом тумане.

Темным вечером вы входите в дремучий лес. Вы делаете несколько шагов, и вас останавливает невольное смутное чувство чего-то пугающего. Вы говорите: «Пустяки, ребячество!» – и бодро идете вперед... С боков вместе с вами идут большие деревья. Они плывут незаметно в ночном сумраке... Вон впереди лежит что-то чудное, безобразное. Вы всматриваетесь – это какое-то чудовище, растрепанное, горбатое. Но оно не движется, и еще страшнее его мертвая неподвижность. Вы подходите ближе – мертвое чудовище просто связка хворосту. Но так странно разбросались сучья и этот пень, кривой, корявый, на котором лежит оно. Вы отступаете несколько шагов назад, и чудовище снова явилось... Вот его голова, вот его руки, – длинные руки. Они растянулись по земле, ползут к вам, хватают за ноги. С ужасом вы отскакиваете назад; а чудовище по-прежнему лежит неподвижно. Вы бодро и гордо проходите мимо него, вы с презрением толкаете его ногой и спускаетесь в ложбинку к болоту. Беловатый

пар клубится над ним. Вы всматриваетесь в игру этого пара. Вон на окраине он поднялся выше и быстро проскользнул в лесную чащу, но, уходя, он оглянулся на вас, сверкнул глазами и исчез... Вы видели это так ясно, отчетливо, что не можете решить, действительно ли это был лесной царь – «в белой короне, с седой бородой», или просто туман над болотом. Вы долго пристально вглядываетесь в него – может быть, он снова промелькнет. Но клубы постепенно плывут, уходят... Лесной царь не является. Фея Фантаста улетела...

Я помню, давным-давно, когда еще я был очень молодым котом и голова моя работала так энергично, как будто бы в ней был паровик в сто лошадиных сил, фея Фантаста часто являлась ко мне, являлась в бессонные ночи и летала со мной по всему миру. Я помню, раз, в темный зимний вечер, когда вьюга злилась и завывала в печных трубах, – я лежал на теплой лежанке. В комнату внесли самовар и поставили на пол. Пар от него валил густыми клубами и белел, освещенный сальным огарком. Он чадил и догорал. Пламя порывисто, ярко вспыхивало и снова затухало. Мне представились облака, быстро несшиеся над волнами темного, колыхавшегося моря. Я слышал шум этого моря, и тяжелое чувство сдавило мою грудь. Мне казалось, что все погибло в этом мраке, в этом море, в сильных волнах разрушения, и мы остались одни, – одни с феей Фантастой. Мы плавали по этим волнам громадного моря. Фея Фантаста скользила, неслась по ним на могучих крыльях творчества. Огонь вдохновенья гордо

горел над ее прекрасной головой. Цветы поэзии дождем сыпались с ее колен, сыпались в холодное шумящее море и тонули в нем бесследно. Она вся была гений увлечения, и я плыл у ее ног, – плыл в маленькой уютной корзинке, которая была колыбелью. В корзинке, кроме меня, было еще двое детей, двое мальчиков, и в них было все, что осталось от всего человечества. В них был конец прошлого и начало новых, будущих великих сил.

Один мальчик, сонный и вялый, спал безмятежно. Его не занимали ни цветы поэзии, ни движения холодного моря. Другой – сухощавый, с маленькой кудрявой головкой, был весь движение. В нем было столько энергии, столько дорогого, милого, что я ласкался к нему невольно и шептал ему мои лучшие, дорогие сказки...

Кругом нас была ночь. Темные тучи бурно неслись по небу и отражались в волнующемся море.

– Смотри, – сказала фея Фантаста, указывая рукою вдаль, – смотри, – там, там, на горизонте, где собрались темные образы, там будущий свет и жизнь!..

Я зорко всматривался и ничего не видал. Но мой маленький мальчик уже увидел, различил и, может быть, больше, чем сама фея Фантаста.

– Я вижу свет, – говорил он, – свет неясный... Заря это или зарево пожара? Но как хорош этот свет! О! как он дивно прекрасен!..

И я сам увидел этот свет. Да! Он был дивно прекрасен. И

я начал будить другого спящего мальчугана. Он проснулся, посмотрел, мигая сонными глазами, ничего не видя, посмотрел на свет, на море, на небо, – повернулся и снова свалился и заснул.

– Оставь его, – сказала фея Фантаста. – Это – балласт!.. Но если бы не было этого тяжелого балласта, то не было бы и движения, и люди не могли бы отличить легкого от тяжелого, света от тьмы...

– Как же, – сказал я, – там, там, на горизонте виден свет, и мы его ясно различаем?

– Да! потому что он окружен тьмою. И здесь, где мы плывем, был для нас прежде свет и все уродливое казалось прекрасным.

Я обернулся крутом, я долго всматривался в тьму и действительно увидел бледный, чуть брезжущий свет. Я взглянул в глубь моря и увидел, что оно все наполнено образами прошлого, неуклюжими, уродливыми, но милыми, дороги сердцу, как все прошлое и родное.

– Это все, – сказала фея Фантаста, – что совершило свой круг и отошло в глубину, в пучины морские. Но если бы не было балласта, то не было бы и источника, из которого возникает и вертится неизмеримый, бесконечный круг того, что идет постоянно вперед, не было бы и этого мальчика, – и она указала на хорошенькую головку.

Мальчик слышал наш разговор, но его, очевидно, занимал и вдохновлял тот свет, который блестел впереди. Он так бо-

ялся, чтобы этот свет не закрыли темные, грозные тучи. В его глазах было столько блеска, столько веры в собственные силы и в силы всего человечества...

«Обманется или нет?» – подумал я.

Вдруг страшный удар. Я вздрогнул и привскочил в испуге. Фея Фантаста исчезла... Кругом меня темная комната. Я сидел на теплой лежанке. Самовар давно уже унесли, а на полу валялась пустая бутылка, которую я нечаянно столкнул лапой.

Много, много лет прошло с тех пор. Я поседел. Фея Фантаста реже является ко мне. Но до сих пор жива и ярка в моей памяти картина молодого, юного, давно улетевшего сна.

Много балласта лежит кругом меня, но я знаю, что без него не было бы движения, и много движения перегорает в огне пылких, чудно-прекрасных снов феи Фантасты.

Они манят вдаль, к лучшему, святому, великому. Они дают свет и тепло нашей бедной жизни и, сгорая блестящими бенгальскими огнями, оставляют после себя не холодный пепел, а твердый, торный путь для развития мысли и чувства.